

Текст №1

Карточка №6

Ассоциация: синева

Эффект Манделы

В тот день мы с Молли здорово набегались. Погода стояла промозглая и ветреная, так что людей в парке почти не было. За всю прогулку я встретил только старика с бульдогом и маленькую девочку. Но о девочке — позже.

Молли, сильная молодая лайка, энергично тянула поводок, заставляя меня прыгать через лужи. Скользя по раскисшей, устланной палой листвой дороге, я с трудом держался на ногах, сам себе напоминая медведя на льду. Наконец, мне все это надоело и я, спустив собаку с поводка, присел на скамейку. Пахло дождем и грибной сыростью и, если крепко зажмуриться, можно представить, что ничего не изменилось, и что осенний парк — багряно-золотой, полный холодного солнечного желе, а мир — такой же, каким был десять, пятнадцать, да сколько угодно лет назад.

Иногда мне кажется, что ради таких мгновений и стоит жить. Раньше я все время к чему-то стремился, лез из кожи вон, спорил и доказывал, а потом все куда-то постепенно ушло и вечная гонка обесценилась. Я полюбил молчание и безмятежность природы, глинистые тропинки и стылую пустоту осеннего неба.

Девочка подошла так тихо, что я не сразу ее заметил. Раскрыла на коленях альбом и вытряхнула рядом с собой на скамейку несколько разноцветных фломастеров. Когда я почувствовал, что не один, и скосил глаза — она уже вовсю рисовала. Жирная черная линия — земля, из которой вырастают коричневые стволы с торчащими в белесое небо ветвями. Фломастеры — не акварель, ими не создашь фона. А на ветках — зеленый листочек... один, другой, третий... Они распускались, как весной из почек. Нежно-салатовые, такие настоящие, что к ним захотелось прикоснуться, ощупать пальцами новорожденную зелень.

- Девочка, - прошептал я, склоняясь над рисунком и чувствуя, как больно колотится сердце, - ты тоже помнишь деревья зелеными?

Малышка подняла на меня невинные глаза.

- Что вы, дядя. У меня просто кончился синий фломастер.

Это случилось полтора года назад, поздней весной, когда зелень ярка и свежа и солнце нежится в изумрудных кронах. Мы с женой целый день работали на нашем загородном участке, сажали огурцы и тыквы, выпалывали сорняки с клумб и подстригали кусты. Заночевали на диване в садовом домике, под звучные рулады соловья. А утром...

Я вышел на крыльцо и остолбенел. И трава, и деревья все стало синим, как чернила... как синька... как лазурь. Даже ростки тыквы, тонкие и как будто стеклянные, торчали из рыхлой грядки бледно-голубыми уродцами. Не умиротворенная — небесная, а едкая, злая синева расплескалась по всей земле, превращая знакомый пейзаж в фантастическую картину.

Сперва я не поверил своим глазам. Подумал, у меня что-то со зрением. Перегрелся вчера на солнце или отравился чем-то. Говорят, от испорченных консервов бывает ботулизм, а мы как раз накануне ели тунца в томате.

- Мира, - позвал я испуганно. - Мне плохо.

- Что с тобой? - спросила жена, щупая мне лоб. - Вроде, не горячий... Может, давление померить? Хочешь, я позвоню врачу?

- Листья, - сказал я. - Трава... Они синие.

- Ну да, - удивилась Мира. - А какими еще им быть?

- Зелеными, конечно.

- Знаешь что, - решила жена. - Я все-таки позвоню в больницу. У тебя солнечный удар. Или инсульт. Ну-ка, улыбнись. При инсульте улыбка получается кривая. Зеленые листья, надо же такое придумать. В страшном сне не приснится. Все, звоню.

- Не надо, - махнул я рукой. - Мне уже лучше. Давай вернемся в город.

Дома я первым делом включил телевизор. Полистал телетекст, поблуждав по каналам, отыскал новостную программу. Новости оказались самыми обычными. Там — война, тут — наводнение, где-то что-то запустили в космос, а в Барселоне на пляже нашли ядовитую медузу какого-то редкого вида. Но я не слушал. Вернее, слушал краем уха, жадно впитывая взглядом мелькающие на экране кадры. Кусок газона с синей травой. Синяя лужайка. Городской скверик с чахлыми синими липами. Синие пальмы. Синие тополя и березы.

Отвернувшись от телевизора, я выхватил из кармана телефон и, открыв браузер, вбил в строку поисковика: «молодая весенняя зелень».

«Вы имели в виду «молодая весенняя синева»?» - поинтересовался гугл.

«Зеленые листья», - изменил я запрос.

«Синие листья», - великодушно поправил меня поисковик.

- Окей, гугл, - произнес я дрожащим голосом. - Иди к черту.

Разумеется, как и любой человек, я мог заболеть. Дальтонизм, шизофрения, инсульт, менингит, мозговое кровоизлияние... да мало ли что. Но исказилось не только мое зрение. Поменялись значения слов, а это уже никак нельзя объяснить болезнью. Синий мираж сгущался вокруг меня, становясь все весомее, все реальнее, обретал кровь и плоть, словно раковая опухоль, пуская отростки все глубже в память. Я понемногу привыкал, пусть и с трудом. Хоть и тосковал иногда по мягкому изумрудному свету, просеянному сквозь лесной полог, по малахитовым полям и бархатно-зеленым полянкам.

Синяя листва не желтела и не краснела, а только выцветала почти до белизны. И ноябрьский парк поэтому казался занесенным странным, голубоватым снегом с редкими чернильными пятнами. Кляксы инопланетной крови на девственной чистоте земли. Когда пойдет настоящий снег, в цветовой палитре мало что переменится. Никогда больше не увидеть мне белого на золотом, хрупкой красы уходящей осени.

А сейчас на скамейке рядом со мной сидела девочка и рисовала в альбоме деревья с зелеными листьями. И врала мне про синий фломастер, которым только что раскрасила облачко в небе.

- Не верю, - сказал я. - Ты меня обманываешь. Ты помнишь их зелеными.

Девочка низко опустила голову, так что светлая челка упала ей на глаза.

- Все помнят, - ответила она чуть слышно. - Но говорить об этом нельзя.

- Почему нельзя?

Она молчала, болтая под скамейкой ногой в резиновом сапожке.

Я придвинулся совсем близко и, сдерживая застрявший в гортани крик, прошептал ей прямо в ухо.

- Малышка, что случилось с миром, а?

- А вот что!

Девочка вырвала из альбома страницу с рисунком и, скомкав ее небрежно, швырнула в лужу. Намокая, бумажный шарик развернулся, потемнел, и мы оба смотрели, как он тонет в грязи.

Текст №2

карточка №5

Ассоциация: дуализм

Ник и Свен

Николас Свенсон был гением. Его разработки в области сканирования и картирования головного мозга позволили перенести человеческое сознание в искусственную систему. Даже в две (для верности и контрольных опытов). Работа шла ускоренными темпами, поскольку директор Стратегического Бюро Секретных Разработок (далее СБ СР) клятвенно заверил стареющее руководство страны, что полностью протестированная и готовая к использованию модель будет представлена к 150-летию лидера государства.

Для проведения контрольных тестов, наскоро соорудили двух биороботов — Ника и Свена. Особенно не заморачиваясь внешними различиями. Николас практически жил в лаборатории, тесты шли непрерывно уже полгода. Результаты обнадеживали.

Оба робота унаследовали сознание творца. Так было удобнее проверять систему мышления, эмоциональные реакции, способность к адаптации и решению проблем. Модель «Ник», в сравнении с более поздней моделью «Свен», была романтической и ориентированной на гуманитарные аспекты человеческой деятельности. Свен же получился совершенным лидером, способным принимать нестандартные и жёсткие решения, с более практичным складом ума.

Николас охотно общался со своими прототипами и находил в таком общении множество приятных моментов. Оба биоробота, тоже, с видимым удовольствием, контактировали с создателем. Иногда, кто-нибудь из них, даже мог подсказать Николасу верные направления исследований. Эмоционально им было комфортно втроём. Но — втроём! А когда Ник и Свен оставались без создателя, к сожалению, их споры сразу переходили в конфликты, пару раз дело кончалось лёгкой дракой. Николаса это забавляло.

Тем временем, страна готовилась к юбилею своего несменного и гениального лидера. Были приглашены многочисленные высокие гости: президенты и главы правительств, монархи, имамы и даже руководитель КНДР. Лидер, как всегда, работал на износ и на благо любимого народа. Вероятно, именно поэтому, сердце вождя не вынесло сверхнагрузок. За неделю до юбилея, несмотря на самую совершенную аппаратуру и мастерство врачей, его сердце перестало биться...

Ночью в СБ СР прибыл директор Агентства Национальной Безопасности (далее АНБ) Мартин Фек. После продолжительной и секретной беседы с Николасом

Свенсоном (кроме вышеназванных господ, в беседе участвовали так же Ник и Свен) , было принято решение государственной важности и немыслимой секретности: «Произвести срочное сканирование и картирование головного мозга лидера страны, с целью пересадки сознания в заранее приготовленного биоробота, являющегося его (лидера) точной копией.» Ибо страна не выживет без своего великого лидера. Ну вот, ни разу не выживет!

Прошёл год. Николас Свенсон продолжил свою работу в СБ СР. Мартин Фек, по прежнему, возглавляет АНБ. Страна идёт уверенно прежним курсом. Народ предан своему лидеру. Ник и Свен аннигилированы (чтобы сохранить государственную тайну навсегда). Лидер полон сил и великих планов на будущее. Все счастливы. Но в президентских дворцах полностью отсутствуют зеркала. Ибо, как только лидер видит своё отражение, он тут же вступает с ним в горячий и не всегда мирный спор. И, пару раз, даже порезался осколками разбитых зеркал.

Текст №3

(Начало)

Карточка №2

Ассоциация: кошмары

Кошмары

Итон плакал во сне, плакал взхлеб. Разбудить его оказалось не просто.
- Что тебе приснилось, сынок? - ласково спросил Пит, прижимая к груди теплое детское тельце, - Отчего ты плакал?

Малыш обхватил шею отца руками; кулачок его разжался и на простыню спланировало легкое птичье перышко. Это было одно из перьев, которые Пит хранил в старой шкатулке. Пит о них не вспоминал с момента рождения его ребенка, но мальчик, наверное, добрался и туда. От детей никогда ничего не спрячешь, даже от таких мечтательных и послушных, как его сын. Питу не раз говорили, что он растит мальчика размазней и неженкой. Малыш витает в облаках, а у него плохая наследственность. Но Пит не слушал советов.

Он был для Итона и отцом и матерью, и стоило ему вдохнуть запах мягких волос на детской макушке, сердце его таяло от нежности. Мальчик был похож на Лиз, а Лиз Пит все еще отчаянно любил, хоть она и сбежала из дому едва ли не после родов. И он, и окружающие и до того знали, что Лиз - не от мира сего, голова ее забита романтическими бреднями, но такого фортеля никто от нее не ожидал. Пит мужественно отнесся к безумному поступку жены. Он слова дурного о ней не сказал за прошедшие годы, а редкие весточки от Лиз с европейскими адресами бережно хранил рядом со шкатулкой с перьями. Поначалу Пит пытался отвечать на весточки подробными письмами, но Лиз на них не откликалась. Последние письма Пита съезжились до текста поздравительной открытки- у нас все ОК, пиши. Его пылкая страсть к жене превратилась в нежность к малышу, благо ребенок требовал неустанной заботы, и раскисать было некогда. И все же, почему он плакал?

- Пап, там... Там страшно! - тихо лепетал мальчик, прижимаясь всем тельцем к отцу, - Ты не уйдешь? Мне страшное снилось. Там птицы, много-много птиц. Но они - как неживые. Их можно взять, погладить. Они не улетят и даже не клюнут. Но им страшно! И только одна птица летала: туда-сюда. И тень ее по белой стене тоже - туда сюда! Как заводная. А потом дверь открылась и вышла девочка с клеткой. Большой такой, как у Джесси для попугая. И девочка стала между птицей и стенкой и протянула руку с клеткой вот так! - мальчик оторвался от груди Пита и протянул вперед дрожащую ручонку, - и тень птицы попала в тень клетки на белой стене.

Как будто птица там жила! А сама птица опустилась на ветку и стала как остальные: совсем неживой, не летающей. Девочка взяла пустую клетку и пошла к двери. А тень клетки с птицей, сидящей в ней, за девочкой по стене поползла; но ведь сама птица сидела на ветке и не двигалась! Совсем не двигалась!

А тут девочка меня увидела, - я в кустах стоял. Смотрит на меня, а в глазах у нее страх, как у птиц на ветках. Губы девочки дрожат, шепчут "Убегай", а клетка сама к моей тени ползет! А тут ты меня разбудил... Ты не уйдешь?

- Нет, малыш, будем спать! Я рядом лягу! Тебе приснится что-то другое!

Пит бережно уложил сына в постель и обнял его, съежившись на краю кровати.

- Нет, - сонно возразил ребенок, - ты ничего не понял. Я должен вернуться. Мне нужно спасти. Спасти птицу. И девочку - тоже.

- Понял, - мрачно пробурчал Пит, - спасем! Но не сегодня!

Малыш доверчиво прижался к нему и уснул и Пит, наконец-то, смог перенести перо в шкатулку.

Когда-то девочка снилась и ему. Он тоже был мечтательным и нежным: Итон душой - в него, а не в Лиз. Лиз похожа на девочку из его детских снов, и этим пленила его едва ли не с первых встреч. Ведь девочка из снов всегда была уверенной и жизнерадостной, но он ей нравился. Она жила на планете, покрытой цветущими кустами, над которыми весело носились птицы разной окраски и размеров. Девочка говорила, что птицы - души фантазеров и мечтателей; им на ее планете всегда привольно, ведь тут нет хищников.

Питу тоже было привольно; он знал, что планета - настоящая, а сон - что-то вроде космического корабля, на котором он прилетел. Они с его подружкой собирали перья разных птиц, порхавших вокруг, и стоило Питу заснуть, сжимая в руке любое перышко, он тут же оказывался возле девочки.

Все было хорошо, пока не приехал цирк. Они, конечно, побежали к городской стене, смотреть представление, и фокусник выбрал девочку своей добровольной ассистенткой. Она была счастлива: он такое вытворял с птицами, которые подчинялись малейшему его жесту!

Фокусник поднес руку к груди девочки, и на его ладони появилась пестрая, переливающаяся радугой пичуга. Он подбросил ее в воздух, а когда птица пролетала мимо ажурной клетки, стоявшей на столике, ее тень и тень клетки совпали. Тень оказалась в плену, а птица оторвавшись от нее, села на плечо девочки и запела. Пела птица замечательно, и все хлопали, но девочка почему-то выглядела несчастной.

(Продолжение)

Карточка №3

Ассоциация: безумие

Безумие

Здравствуй, Лиз!

Который раз я пишу тебе письма, и все не получаю ответов. А может я их получаю, но не помню? Врачи говорят, что я болен, очень болен, и они, похоже, - не далеки от истины. В голове все путается, и она тяжела, как чугунный котелок моей бабушки. Но тяжела ли голова от лекарств, которыми меня пичкают, или, наоборот, лекарства - от этой тяжести в голове - сказать трудно. И самое страшное, что сны и явь перепутаны; я даже не знаю, наяву ли пишу тебе письма. Врачам почему-то нравится, что я сплю, и из-за их снотворных я сплю почти непрерывно. Но мне хочется разобраться в том, что помню и уже несколько дней я собираю пилюли в маленький пузырек, притворяясь спящим. Они, кажется, мне верят. Перед моими закрытыми глазами - картины былого; но видел ли я их наяву, или в старых снах - не ясно. Я все же попробую расставить их по порядку: ты все равно почти в каждом из этих видений. Вот мы с тобой - дети, в цирке, и какой-то фокусник показывает фокусы. Ты ему assistiруешь, ты счастлива. Вокруг порхают птицы с ярким экзотическим оперением, но мне почему-то жутко. Это наверняка - сон, а то и кошмар.

Мы не были знакомы в детстве: я встретил тебя на студенческой вечеринке. Кто-то из друзей сказал, что ты - явно чокнутая, от тебя неясно, что ждать. Но я ему не поверил. А может и поверил, но мне было уже все равно, - никто другой, вернее другая, меня уже не интересовали: я хотел говорить лишь с тобой. О чем мы с тобой тогда говорили? Не помню, хоть убей. Но зато ярко помню нашу прогулку вдоль моря. Это - когда мы уже поженились и поехали в Сицилию... Зря я туда повез тебя; там слишком красиво. Вечно синее море, белый песок, сицилийцы с их романтической склонностью к любви и ненависти, и все это - в сиянии легенд об Одиссее, там когда-то скитавшемся без усталости. После праздничного пейзажа обыденная жизнь выглядела будничной и серой, как отрепье Золушки на фоне бального наряда королевы. И ты затосковала. А тут еще беременность. Ты ведь всегда была птицей, рвущейся к небу, а вдруг оказалась в клетке непредвиденного материнства. Непредвиденного для тебя: я-то мечтал о нашем будущем ребенке и почему-то был уверен, что ты остепенишься. Ведь все воздушные прелестницы, щебечущие о любви, рано или поздно превращаются в грузных матерей семейства, со вздохом вспоминающих о своей былой невесомости. И я ожидал того же от тебя. Какой я был болван! Ты из тех птиц, кому любая клетка противопоказана, из тех, что в клетках чахнут.

Странно, этот образ плененной птицы так и лезет в голову и тут же оборачивается явственной до боли картинкой: тень птицы, сидящей в клетке. Эта тень так отчетлива на белом, как известка, экране, и птица вот-вот умрет, если ее не выпустить. Сердце мое колотится едва ли не в горле, когда я смотрю на эту тень; я готов умереть, только бы она вырвалась из-за черных ажурных прутьев. Странно, право, как наше сознание искажает реальность в сновидениях: я смотрю на клетку еще ребенком, и от души ненавижу приснившегося фокусника, который поймал тень птицы, а ведь наяву фокусник - я сам. Я держал тебя за стальными прутьями будничных

забот, а ты рвалась к привычному беспечному щебету; я был рад растущему животу, привязывающему тебя к земле, а ты мучительно боялась родов. И когда родился сын, все запели ему осанну, почти забыв о тебе, о твоей материнской муке, о твоей непреходящей бессоннице и непреходящей усталости. Когда в гнезде заводятся птенцы, певчие птицы не поют. Какие песни, если в голове вечной каруселью: "Покушал, пописал, покакал, пора перепеленать"?

А я, идиот, даже не озаботился повесить замок на дверцу клетки; мне почему-то казалось, что материнский инстинкт обрежет крылья любой птице. Но птицы, - они бывают разными.

Я забыл о тебе, когда родился наш сын: у него были такие милые ясные глазки, такие загнутые реснички. Но когда ты упорхнула...

Это неправда, что одна любовь вытесняет другую. В душе неожиданно поселилась такая пустота, такая горечь! Привычная любовь - как воздух; ее не замечаешь, но без нее - задыхаешься. И я постоянно помнил о тебе, Лиз; глядя на нашего мальчика, я видел тебя, я с тобой мысленно разговаривал. А подросший мальчик все время о тебе спрашивал: у других малышей были мамы, и я не знал, что ему врать. Сперва я сказал, что ты - фея, и живешь на планете цветов; потом, что ты - разведчица. Мне не хотелось сказать, что ты сбежала; сын тебя бы не простил, а я все надеялся, что ты вернешься. Малыш слушал сказки о тебе, и его фантазия расцветивала небылицы в необычные тона и краски. Он же в душе художник - наш Итон! Он рисовал мне какие-то странные рисунки с цветами и феями, потом притащил твою шкатулку от твоих драгоценностей. Мальчик собирал туда перьев, и засыпал, сжимая очередное перышко в кулачке: якобы, перышко переносит его через космическое пространство.

Текст №5

(финал)

Карточка №6

Ассоциация: творчество

Творчество

Эта картина давно превратилась в его наваждение, - она совсем не в его стиле, не смотря на свое название: "Планета цветов". У Итона целая серия самых разнообразных "планет"; они давно разлетелись по любителям и художественным галереям. А к этой он как приклеен: все добавляет и добавляет то ультрамарина, то берлинской лазури. А на полотне обычный пейзаж, с цветущими кустами, карабкающимися на пригорок, с чуть видной сквозь них дорожкой. И ничего больше, разве что цветы монохромно-синие. Ну да в каждой его работе есть какая-то чертовщина; за это их и ценят любители. Итон предпочитает сюр, хоть сюр давно не в тренде. Но его "сюры" расходятся, как горячие пирожки. За ними - признание качества живописи и популярность. Хотя, кто-его знает, связана ли популярность с талантом. Признанный гений и признанная бездарь после смерти часто меняются местами; не

меняется лишь эпитет "признанный". Его старый учитель рисования и вовсе упускал популярность при обсуждении таланта. Гениальность - это сплав одержимости работой, способностей и душевной трагедии, твердил преподаватель, - лишь невидимые духовные страдания или искания придают особый драйв полотну. А у него, Итона, все три составляющие - почти налицо. Одержимым его, правда, не назовешь, но почти все свое время он занят работой. Времени - много, своей семьи у него нет. А душевная трагедия есть, по той же причине. Как же он когда-то любил Монику! А любила ли Моника его? Рыжеволосая красавица, любимица своего семейства, она раскалывала, как орешки, любые экономические задачи на полуфинальных тестах и тут же об этих тестах забывала. Его, наоборот, незнание результата мучило, над чем подруга вечно иронизировала. "Блумберд, - смеялась она, - плюнь! Бросай экономику, я буду твоим экономистом; занимайся своими странными картинами!". Он ее не послушался, и правильно сделал: второе образование очень даже помогло в жизни. В той жизни, в которой Моника уже не было.

Его приемные родители были состоятельны, и они с Моникой смотрелись замечательной парой. Будущий тесть не приветствовал его "мазню", но место компаньона в хорошо налаженном семейном бизнесе будущему зятю было обеспечено. В свободное от учебы время они вечно бродили вместе, как-то совмещая совершенно разные интересы: она не вылезала бы из клубов и концертных залов, а его тянуло то к океану, то в какой-нибудь парк. Он вечно рисовал наброски ее портретов, что ей льстило, но какой женщине это не льстит? Она, казалось, так любила его, и он обожал свою рыжеволосую; что могло их разлучить? Они уже спорили об именах будущих детей...

Да, дети...

Он всегда знал, что он - приемный. Его усыновили в относительно сознательном возрасте, когда облик родителей уже как-то помнишь, но что именно с ними случилось тебе могут не сказать. Сперва был папа, потом появилась мама, утащившая его в нищету. Из жизни ушел комфорт, но вошел океан и вечная дорога, - мамы не было дома, они жили в фургоне - эдаком доме на колесах - и вечно куда-то ехали по побережью. А потом и мама пропала, а его почти мгновенно усыновили новые мама с папой, и в этом ему несказанно повезло. Новые родители ждали его всю жизнь. Он стал их выигрышным лотерейным билетом на семейное счастье, а они не из тех, кто бросит свое счастье на произвол судьбы. Им в руки как с неба упал замечательный сыночек, - белокожий, без страшных медицинских диагнозов. Не нужно ездить по чужим странам, платя безумные деньги агентствам за оформление отцовства и прочие формальности. Малыш лепечет на их языке, он явно умен и наделен живым воображением. Вдобавок, у ребенка - золотой характер, он готов любить весь мир. Правда по ночам малыша мучают кошмары, он рассказывает какие-то странные истории, путая сны с реальностью, но это все пройдет со временем, ведь ребенок пережил такой шок! Поставим детскую кроватку в нашу спальню, раз уж он боится темноты; станем развивать по индивидуальной программе. Он любит рисовать, - купим краски. Мальчика ждет блестящее будущее! Любая страшная тень отступит перед светом; главное - не вспоминать о прошлом.

Приемные родители никогда не говорили Итону о его родителях. Он чувствовал, что усыновителям больно и инстинктивно старался их щадить. Будь его настоящие родители живы, они бы его не отдали в приемную семью, где его так любят. Стало быть настоящих родителей нет. Наверное, какая-нибудь дорожная авария, или

болезнь. У каждого есть прошлое, ползущее позади тенью. Зачем присматриваться к тени, когда перед тобой живой настоящий человек?

А вот родители Моники присмотрелись.

- Твой папа - душевнобольной - зло швырнула ему в лицо Моника в их последнем объяснении, - а мать нищая алкоголичка, и тоже, говорят, с приветом! Какой же ты подонок, что не сказал мне об этом раньше. Ты же знал, что я хочу детей. Но не детей-шизофреников. Психические отклонения чаще всего наследуются через поколение.

Как же ему тогда было худо! Тогда он нарисовал свою первую картину в стиле сюрреализма: летящая к свету птица, тень которой очутилась в тени от пустой клетки, и бьющаяся в ней, как живая. Он сам был этой птицей, тени из прошлого никогда уже не отпускали его. Моника ушла, и он больше не смотрел на женщин. Женщины ждут детей, а безумие - не лучшее наследство для малышей. Место детей в его жизни заняли его картины; им его сумасшествие не вредит. Картины воплощают и жутких отчаяния монстров, терзающих душу, и хрупких ангелов надежды на их фоне; вторая его знаменитая картина ушла за колоссальные деньги, и с годами ее стоимость лишь возрастает. Но эту, последнюю картину с синими цветами он не продаст. Он ее еще не кончил: над синими цветами должны парить разноцветные птицы, не отбрасывающие теней. Планета цветов - над ней птицами носятся души вечных мечтателей, влюбленных друг в друга. Любовь - сильнее любых кошмаров.

Итон все же раскопал документы о прошлом своих настоящих родителей. Да, отец умер в психушке, наглотавшись снотворного, а мать - от передоза, но умерли они в один день. Мистика какая-то. Да, отец, по слухам безумно любил его мать. Но как он узнал, когда глотать свои таблетки?

Текст №6

Карточка №2

Ассоциация: тюрьма

Висельник

Синяя рубашка болталась на деревянных плечиках: они висели на балконе, на бельевой веревке. Каждый вечер, после рабочего дня, я вывешивал одежду туда – прохладный воздух освежал и избавлял от запахов еды и пота, впитавшихся за день. Издалека рубашка напоминала силуэт повесившегося человека.

Я сижу на кресле с сигарой, пью ром с колой, читаю книгу и украдкой поглядываю на своего висельника. Он тихонько раскачивается. При сильном ветре рубашка трепещет, пузырится, надувается парусом. Но чаще просто безвольно висит: мягкая тряпка с пустыми рукавами. Неизменно синяя – в последнее время я не слежу за разнообразием. Признаюсь, я разговариваю с висельником – и это полбеды. Хуже всего то, что иногда он отвечает. С другой стороны, иные люди разговаривают с кошками и собаками. Кто-то даже молится, что еще более бессмысленно. А к этому бедолаге я

уже успел проникнуться симпатией. Он славный парень, это видно: у него отменный вкус на рубашки.

Иногда звонит телефон. Друзья зовут гулять, в кино или на открытие нового бара. Но каждый раз я совершенно случайно оказываюсь занят. Вот сегодня, ребят, ну никак. По уши в работе. На прошлой неделе я пропустил день рождения лучшего друга, сославшись на срочную командировку. Со временем телефон звонит все реже. - Не осуждай, - говорил я темному силуэту на балконе, осушая очередной бокал. – Если бы ты тоже избегал людей, может, и не оказался бы в петле.

Я включил музыку. Слышали бы друзья мой плей-лист – больше в жизни не подали бы мне руки. Синяя рубашка колыхалась на ветру, рукава дергались и взмывали вверх. Невидимый парень то ли танцевал, то ли пытался улететь подальше от слащавых завываний известной поп-группы.

- Да-да, - продолжал я. – Я не единственный в мире человек, которого предала любимая. Надо жить настоящим, бла-бла-бла. Я в курсе. Пожалуйста, не начинай, мы это уже проходили... Стыдно признаться, но прошло уже три месяца, а тоска такая – хоть вешайся... Извини, случайно вырвалось...

Однажды я вышел на балкон: в очередной раз вздернуть рубашку. Дом напротив совсем не соблюдал социальную дистанцию. Он был близко: подмигивал и заглядывал в окна, пах жареной курицей и семейными скандалами. Вдруг я заметил, что на чьем-то балконе – аккуратно напротив моего – тоже болтается висельник на деревянных плечиках. Пурпурного цвета. Первокласного качества. Даже отсюда было заметно. Если я в чем-то и был профессионалом, так это в самобичевании и в рубашках.

- Ну что ж, - пробормотал я своему незримому приятелю в одеянии из шерсти и хлопка. – Кажется, у тебя появился друг. Поздравляю.

На следующий день я накидывал на плечики одну из лучших своих рубашек: лиловую, хлопковую. Ткань королевский оксфорд. Швейцария. Незнакомец из дома напротив предпочел в этот раз бордовый поплин. Неплохо. Наши висельники покачивались в унисон.

Каждый вечер любопытство заставляло меня буравить взглядом тот самый балкон: какую рубашку вывесят сегодня? За две недели я успел использовать весь свой рубашечный арсенал. На работе даже спросили, не влюбился ли я. Мой вздернутый на плечиках товарищ менял наряды, словно главная фаворитка короля. Балкон напротив не отставал. Зеленая рубашка в ромбик – синяя с турецкими огурцами. Кипенно-белая – черный шелк. Фиолетовая с черными закорючками, изображающими летящих чаек – золотистая с восточным орнаментом.

Я развлекался, как мог. То есть, как идиот. В один прекрасный день рубашки кончились, и я купил еще парочку ярких и необычных. Но кого я пытался обмануть?.. Тоска пожирала меня без хлеба, и все-то ей было мало. Я пил ром, слушал богомерзкую девчачью попсу и ругался с висельником. Мне казалось, он перестал меня понимать. Однажды я не выдержал.

- Ты что, самым умным себя считаешь?! – вопил я, вскочив с кресла. Швырнул в стену стакан, осколки разлетелись по комнате. – Так помоги мне! Укажи мне путь, сделай хоть что-то! Нет же: ты просто уныло висишь и осуждаешь!.. Скотина хлопковая!.. Хочешь, чтобы я рядом висел и дрыгал ногами?.. Нет?.. Так слабо помочь – последний раз спрашиваю?!

И тут мой приятель сорвался. В прямом смысле: ветер сорвал его с плечиков. Размахивая рукавами, висельник взлетел. Я дернулся на балкон, но не успел –

рубашка парила в воздухе в паре метров от балкона, затем начала медленно спускаться вниз.

Накинув куртку, я выбежал из дома. Оранжевая ткань запуталась в ветках дерева – пришлось потрудиться, чтобы извлечь беглеца. Вернув пропажу, я стоял во дворе и думал, как давно уже не был на улице в это время суток. Задрал голову, окинул взглядом свой дом. Серая, неказистая ячеистая коробка. Убогие балконы – в основном незастекленные, как и мой. Идентичные тюремные камеры хранения. Да, с этого ракурса дом почему-то напоминал тюрьму. И на многих балконах-эшафотах торчали свои висельники. Скопище повешенных махало мне цветными рукавами.

За углом дома висела табличка, на которую я раньше не обращал внимания. «Дом образцового содержания» - гласила надпись.

Я расхохотался. Стоял посреди двора и пританцовывал от смеха, держась за бока, как безумец.

На следующий день я вывесил на балкон ярко-красную рубашку. Мельком глянул: незнакомец в доме напротив тоже предпочел сегодня красный. Впервые мы совпали. Но это не имело уже значения: буквально через час я сдернул рубашку с плечиков. На сегодня хватит с тебя, приятель. Нас ждут великие дела.

Я оделся и вышел из дома. Сегодня мы с висельником гуляем допоздна.

Текст №7

Карточка №1

Ассоциация: дружба

Мой маленький друг

Он сидит на подоконнике, похожий на сгусток тумана. Мудрый и загадочный Чешир. Его глаза — две зеленые звезды, отраженные в оконном стекле. Лунная шерсть струится сквозь пальцы, почти неощутимая, прохладная и шелковистая. Кот довольно мурлычет и легонько трется головой о мою ладонь. Мы чувствуем друг друга с полувзгляда, с полуприкосновения.

Как хорошо, что дочка меня не послушалась! В пустой квартире, окруженный призраками прошлого, я бы сошел с ума от одиночества. В моей спальне до сих пор живут зловещие безделушки-куколки покойной жены, и рука не поднимается их выбросить. А на стенах развешаны дочкины рисунки. Пучеглазые чудовища - герои каких-то мультфильмов. Ночами они пугают меня. Но стоит под кроватью завестись Чеширу, и кошмары тают, как снег в пригоршне. Ступая мягкими лапами, словно обутыми в меховые сапожки, кот выходит на середину комнаты, хрустит сухим кормом и лакает воду из миски. А я лежу, улыбаясь в темноте. Знаю, что стоит задремать, и Чешир придет ко мне под бочок и, прижавшись уютно сквозь одеяло, запоеет свою кошачью песенку, и тогда ни одна злая куколка, ни одно мультяшное чудовище не вторгнутся больше в мой сон. Мы оба будем мирно спать до утра, согревая друг друга и защищая от всех напастей. Такая у нас дружба.

Он уже стар, мой маленький друг. Да и я не молод. Мы, как двое любопытных детей, заглядываем в окошко вечности. Что там, за последней чертой, которую вот-вот переступим? И кажется, совсем недавно моя девятилетняя дочь Мартина принесла его с улицы, крошечного, мокрого, всего как будто скрюченного от холода. Шел сильный дождь и дул ветер, такой сильный, что деревья рвались в полет вместе с листьями. Ранний ноябрь. Хрупкая грань осени и зимы. Без помощи человека котенок бы, конечно, не выжил.

Как Мартина за него просила!

- Папа! Пожалуйста! Давай его оставим! Он маленький, погибнет без нас. Пожалуйста! Папа!

Она редела, будто малое дитя, и, заходясь в истерике, топала ногами. Даже Алиса, моя жена, царство ей небесное, хоть и не любила кошек, но, жалея дочку, умоляла взять малыша. Напрасно. Уверенный, что детским капризам нельзя потакать, я затворил свое сердце и запер на три замка.

- Отнеси, где взяла. И немедленно! - прозвучал мой приговор, а от своих слов я не отступал никогда.

Казалось бы, поздний ребенок. Сам Бог велел обожать и баловать, как принцессу. Но что-то не срослось. Не тянулась к любви душа. Сейчас тянется — но поздно. Хоть и звонит Мартина каждую неделю, интересуется, спрашивает о здоровье, предлагает помощь... но в ее голосе звенят льдинки. Ежусь от внутреннего холода, но исправить, увы, ничего не могу. В тот дождливый ноябрьский вечер что-то между нами сломалось безвозвратно.

Плача, Мартина ушла с котенком на руках. Через полчаса вернулась, вымокшая до нитки и дрожащая, и заперлась в своей комнате. Три дня она со мной не разговаривала, а потом я стал замечать котика у нас дома — то лежащим на подоконнике, то на диване. То за шкаф шмыгнет, то шебуршит газетами в кладовке.

Он был абсолютно белым, настолько белым, что на белом свету становился невидимым, рассыпаясь в солнечную пыль. Только в сумерки его удавалось рассмотреть как следует — грациозного пушистика с яркими изумрудными глазами.

Я прозвал его Чеширом за умение исчезать и появляться, словно из воздуха. А какое имя дала ему Мартина, не знаю до сих пор. Да и так ли это важно? Имя — по сути пустой звук, а мы с моим маленьким Чеширом давно понимаем друг друга без слов.

Котик оказался тихим, не устраивал по ночам концертов, не царапал мебель и не путался под ногами. Он совсем никому не мешал. И если поначалу я собирался настоять на своем, то потом смирился и даже рад был невинному дочкиному обману. Как мудро иногда поступают дети. Сама того не сознавая, Мартина принесла в наш дом счастье. Погружая пальцы в мягкую кошачью шерсть, я чувствовал, что и сам становлюсь мягче, добрее. Мы с женой даже ссориться перестали. Не то чтобы сблизились, но вели себя деликатнее и тише. Как наш любимый Чешир.

Нередко он приходил ко мне в постель и ложился рядом, неотличимый от белизны одеяла, грел больное плечо и баюкал тихим мурлыканьем. Я засыпал, словно под крылом у ангела и просыпался обновленным. После смерти Алисы он стал приходить каждую ночь.

От воспоминаний меня отвлекает звонок Мартины. «Поздновато ты сегодня, дочка», - думаю, рассеянно вглядываясь в темноту за окном. Хотя что тут удивляться — осень. Не успеешь пообедать — и ночь на дворе. Ненавижу смотреть на часы.

- Привет, папа, - бодро начинает Мартина, и вот уже посыпались дежурные вопросы — про здоровье, давление, врачей.
- Да все в порядке, - отмахиваюсь. - Старые мы стали. И здоровье по возрасту.
- Мы — это кто? - настороженно интересуется дочь.
- Я и Чешир.

Странное ощущение, когда в трубке потрескивает тишина.

- Кто такой Чешир? - спрашивает, наконец, Мартина.
- Ну кот же, - мне отчего-то делается неловко, как будто ненароком выболтал стыдную тайну.
- Папа, ты завел кота? - холодно изумляется Мартина.
- Да нет. Ты что забыла? Чешир — тот самый котенок, которого ты притащила в детстве, а я сказал его выкинуть. Помнишь? Ты потом принесла его назад, тайком. И хорошо сделала. Теперь я понимаю, что хорошо.

Дочь коротко, со всхлипом вздыхает, и я представляю себе, как она поджимает губы. Возможно, комкает в руке платок или край скатерти, или чертит пальцем по столу замысловатые узоры.

- Я сделала, как ты велел, - говорит она чужим голосом. - Я не приносила котенка назад.

«Неправда», - хочется закричать мне, но я уже вижу, что его зеленые глаза — отражения уличных фонарей, а тело — клубящийся лунный свет. Его роскошный белый хвост разметался дождинками по стеклу. Мой маленький друг растаял, навсегда оставшись в том холодном ноябре. А я сижу один в пустой квартире, зная, что впереди долгая ночь и никто не заговорит мои кошмары.

Я смотрю на его миску с крупинками сухого корма, недоумевая, кто ел из нее? Кто шуршит по ночам у меня под кроватью? Может быть, мыши? Да, наверное. В моем доме поселились мыши. Почему бы и нет? Ведь у меня никогда не было кошки. Я твержу эту фразу снова и снова. Она горчит на губах. Горько-соленая, с привкусом слез. Она звучит как «жизнь прожита напрасно». Или «меня никто никогда не любил». Нет, не так. Это я никого никогда не любил.

Повторяю опять и опять. Слово за словом приучаю себя к этой новой боли. У меня. Никогда. Не было. Кошки.

Текст №8

Карточка №3

Ассоциация «любовь»

Ягуар

Инстинкт животных совершеннее нашего разума.

Морис Мерло-Понти.

Джон – невысокий крепкий паренёк, светловолосый и добродушный, возвращался из спортзала. В свои двадцать лет он занимался лёгкой атлетикой, и

тренер посоветовал ему понаблюдать за животными, особенно за кошачьими, перенять у них мягкость движения, умение экономить силы.

Придя домой, он стал смотреть фильм о больших кошках – появилось изображение ягуара – повернув большую голову, зверь легко нёс своё мускулистое и мощное тело, опираясь на короткие ноги. Джон видел, как шевелится густая короткая шерсть с чёрными пятнами, как уверенно, не торопясь, царственно ступает красивое животное, и, пытаясь представить своё тело таким же послушным и сильным, подумал: – Я хочу, чтобы этот ягуар всегда был со мной.

Джон почувствовал, что внутри что-то зашевелилось и рядом фыркнул и тихо зашипел, а потом надменно посмотрел вокруг пятнистый зверь.

С этого дня ягуар жил вместе с Джоном и везде его сопровождал. Иногда на зверя нападала тоска по родине, он скучал по пещере вблизи озера и тропическому лесу, где охотился. На прогулке время от времени его глаза блуждали в поисках молодой самки с хорошими манерами. Но вокруг были только облезлые, голодные, бездомные кошки. Изредка ягуар улавливал запах настоящих львиц, но Джон всегда куда-то спешил и не замечал их. Ягуар только провожал их взглядом.

Однажды Джон прогуливался по весеннему городу и смотрел на грациозных девушек, напоминавших ему яркие цветы, иногда приостанавливая шаг, чтобы услышать звенящие, словно щебетание птиц, голоса.

Когда он остановился поговорить с приятелем, ягуар увидел, что по улице идёт девушка в платье из мягкой пушистой шерсти цвета сухого жёлтого мха, обтягивающем её точёную фигуру. Роскошные волосы, похожие на тёмную ночь при затмении луны, спадали на спину до самого пояса, напоминая пышную гриву, и потрескивали электрическими искорками. Облик девушки дышал свежестью тропиков.

Ягуар почувствовал, что его мускулы напряглись, хвост выпрямился и замер, еле заметно вздрагивая, и он, не раскрывая пасти, тихо и пылко прорычал: – Ээхарый!

Приятель с удивлением посмотрел на Джона, ему показалось, что перед ним большой пятнистый зверь.

Джон повернул голову и вдруг его взгляд утонул в глазах молодой девушки. Ягуар снова прорычал, девушка услышала и встретив глаза Джона, чуть было не остановилась, почти улыбнулась, ветер шевелил пушинки на платье, обтянувшем её ещё плотнее. Она танцующей походкой пошла дальше, а ягуар, глядя на неё, тихо застонал.

– Я познакомлюсь с ней, – пытался успокоить ягуара Джон, но тот только тихо рычал. – Потерпи денёк, ну может больше.

Два дня парень дежурил возле конторы, где, как он узнал, работала девушка. Но она проходила мимо, не замечая его. На третий день Джону удалось с ней поговорить и пригласить в кафе.

Они сидели за столиком, а ягуар осторожно ходил вокруг, стараясь не фыркнуть и не спугнуть рычанием молодую самку.

– Ты давно живешь в этом городе? – спросил Джон.

– Я здесь родилась, – ответила Мэг певучим голосом, и парень почувствовал, что его тело вибрирует, как натянутая струна, затем увидел большие деревья и то, на что пристально смотрел ягуар – молодую львицу.

Принесли ужин, и Джон с Мэг приступили к еде, а в это время ягуар и львица, резвясь, носились вокруг. И когда парень с девушкой поднялись из-за стола и вышли, ягуар и львица спокойно шли рядом до самого дома Мэг.

– Завтра увидимся? – спросил Джон.

– Нет ничего невозможного, – ответила девушка.

Ягуар довольно заурчал, а львица Мэг чуть заметно улыбнулась в ответ. Джон шёл с ягуаром домой и чувствовал, что его зверь в сильном возбуждении – ему ужасно не терпелось снова увидеть львицу Мэг.

Каждый вечер Джон встречал девушку возле её конторы после работы, и они шли в кафе или клуб. Однажды, когда они сидели за столиком, смотрели на посетителей и болтали, к ним подошёл темноволосый парень, одноклассник Мэг и пригласил её танцевать. Улыбнувшись и ему и Джону, она пошла в зал.

Джон рассеянно смотрел на танцующих, но ягуар не был так спокоен. Он выбежал вслед за Мэг и сильно толкнул её знакомого. Парень упал и задел столик, посыпались бокалы, тарелки с едой.

– Что ты себе позволяешь, Джон! – закричала Мэг. – Я больше тебя не хочу видеть! Заплати за битую посуду, а я уйду!

Девушка выбежала из кафе, а ягуар, вернувшись с Джоном домой, забился в угол и до самого утра оттуда не вылезал.

На следующий день Джон издали увидел, что Мэг в сопровождении рыжего парня садится в машину и они едут на вокзал. Он рассердился, решив, что она его обманула, но вскоре заметил, что и ягуар исчез.

Через пару дней, успокоившись, Джон узнал в конторе Мэг, что она срочно уехала к заболевшей матери.

Мэг искала аптеку, она шла по улице и встречала испуганные взгляды прохожих. Ей нужно было перейти дорогу, но едва она, дождавшись зелёного цвета светофора двинулась по переходу, как люди на другой стороне улицы с криками и визгом бросились врассыпную.

Водитель автомобиля высунул голову и изменившимся голосом спросил:

– Вы что, не видите зверя рядом с вами? Вы не боитесь его?

В автомобиле громко залаяла собака. Мэг посмотрела на пассажиров автобуса и увидела перекошенные от ужаса лица.

Здесь её догнал Джон.

– Как это странно! – сказал он ягуару. – Похоже, что тебя видят! Раньше тебя видел только я, а теперь тебя видят все! Как ты их напугал, но ведь они не понимают, что им некого бояться!

– Ээхаррый, – рыкнул ягуар и задышал чаще, чувствуя рядом львицу Мэг. Джон, с нежностью глядя в глаза девушки, обнял её за талию, она улыбнулась и, обвила руками его шею.

Прохожие, видя, что ягуар стоит спокойно, приходили в себя. Затем Джон, Мэг и ягуар пошли по улице и скрылись в кафе, а когда вышли оттуда, заметили, что ягуара с ними уже нет.

– Куда он делся? – удивился Джон.

– Он не исчез... он превратился... – ответила Мэг. – То, что отозвалось во мне в ответ на мудрый звериный инстинкт – это моя любовь к тебе.

– Если бы не он... – сказал Джон, – мне страшно представить... я мог пройти мимо тебя, другой улицей.

Вдруг он почувствовал, что ветер принёс сильный аромат и в тропическом лесу увидел огромную, больше, чем Мэг, орхидею.

Текст №9

Карточка №2

Ассоциация: иллюзия

Продавец иллюзий

Чувствовать комнату там, где ее нет – большое искусство.

Обычно Эрни находил комнаты по запаху. Он чуял их, как охотничий пес утку или кабана. Комнаты пахли по-разному: луной, швейцарским сыром, дождем. Они звучали по-своему, вибрировали на разных частотах. Но Эрни готов был поклясться, что в их запахе было что-то общее.

- Назовем это «комнатность», - Эрни прохаживался по залу в лакированных ботинках из крокодиловой кожи и преподавал новоиспеченным охотникам основы поиска. Именно Эрни написал для своих сотрудников целый трактат, посвященный комнатности. Но все было малоэффективно: комнату чувствуешь нутром. Это постигается с опытом.

Охотники искали комнаты там, где их нет: ведь искать их там, где они есть – очевидная глупость.

Жажда наживы была чужда Эрни. Он брал за свой труд чисто символическую плату: тем более, его клиенты явно не страдали от избытка денег. Кредит, рассрочка, безнал – любые условия. Он скромно величал себя покровителем тех, кто отчаялся. Почти меценатом.

Его клиенты исчислялись не сотнями, не тысячами: их было намного больше. Раненые, нищие, голодные, испуганные. Они резво неслись к обрыву в автомобилях с отказавшими тормозами. Между ними и пропастью могла встать только комната, а ее мог найти только Эрни. Навязывал ли он свои услуги, как доставучий коммивояжер? Возможно. Но иногда времени для раздумий не оставалось: все решала скорость реакции.

Комнаты возникали там, где их меньше всего ждешь. Где все пропиталось тоской. В убогих ночлежках, вязких болотах, хосписах, притонах, гетто. В сырых зловонных подворотнях. На пепелище сгоревшего дома, где бродячий пес играет с черной, оплавившейся пластиковой куклой. Эрни и его охотники рыскали по таким местам, которые даже днем опасно посещать без заряженного револьвера.

Для каждого человека, попавшего в беду, нужно было найти подходящую комнату. С хорошей или хотя бы приемлемой степенью соответствия. Запах, цвет, форма. В наличии у Эрни было множество комнат: сферические, треугольные, круглые, красные, фосфорические... Разговаривающие на иврите. С запахом «Шанель №5» или детской присыпки. Комнаты-оранжереи и комнаты – библиотеки.

«Подобрать комнату – все равно, что найти отменный выходной костюм, - наставлял Эрни. – Только вот ее уже не подгонят по фигуре в ближайшем ателье... »

...Ботинки из крокодиловой кожи уже не могли отвлечь от тревоги. Эрни закончил свою напыщенную речь, попрощался с охотниками, закрыл дверь и налил себе виски. Голова раскалывалась. То ли старость, то ли резкая смена погоды...

Кое-что не давало ему покоя. Комнаты должны были стать временным убежищем: на большее они и не рассчитаны. Но люди не хотели их покидать. Никакие уговоры и предупреждения не действовали. Для судебных приставов они оставались невидимыми. В этих комнатах люди пускали корни. Прорастали сквозь стены. Заводили собак и канареек. До поры до времени комната справлялась с нагрузкой.

Но однажды она просто схлопывалась. Вместе с человеком. Как звезда во время гравитационного коллапса.

И уже ни Эрни, и никто другой на земле не могли отыскать ее по запаху. Только псы, протяжно воющие на луну, казалось, что-то знали.

Между тем, из-за отказа клиентов покидать пристанище, свободных комнат оставалось все меньше. А поток бедолаг не иссякал. Эрни с приятелями работали теперь чуть ли не сутками напролет, вынюхивая новые комнаты там, где их не могло быть в принципе.

...После второго стакана виски Эрни понял, что с этим пора кончать. Откинувшись на подушки, он хлопал свернутой в трубочку газетой по стене, пытаясь прикончить муху с ее докучливым жужжанием. Хлоп! Хлоп! Так-то лучше. Что у нас сегодня – понедельник? Прекрасный день, чтобы убить свое детище. И муху в придачу.

Эрни вдруг понял, что общего в запахе разных комнат: он всегда слегка химический, неестественный. Как ароматизатор воздуха. Как глутамат натрия.

Он равнодушно смотрел на очередного несчастного, несущегося к обрыву. В его умоляющие глаза. Эрни покачал головой. Прости, приятель.

Чувствовать комнату там, где ее нет – величайшее из искусств. Но оно, видимо, не рассчитано на массового потребителя. Как всегда: не оценят, испохабят, перевернут с ног на голову, попробуют на зуб, обляпают жирными руками... Нет, искусству место в театрах и музеях. Расходимся.

Эрни рывком поднялся с кресла, снял любимые ботинки, открыл дверь, спустил ноги вниз и выпрыгнул из комнаты. Через несколько минут после этого она коллапсировала.

...Он приземлился на газон. Запах свежесрезанной травы ошеломил Эрни. Оказывается, он успел забыть его.

В его комнате трава пахла ладаном.

Текст №10

Карточка №6

Ассоциация: дорога

Дорога

Там, на горизонте, виднеется дом. Он сверкает огнями, как волшебный фонарь, в нем тлеет тепло нерассказанных сказок и неразгаданных тайн. Я иду к нему теплым октябрьским вечером, прихлебывая черный кофе из термоса. Даже в темноте я вижу, как дом подмигивает мне светящимися окнами.

В моей жизни есть только дорога. И я не помню, сколько уже это длится. Но точно знаю, что однажды войду в этот дом. Вдохну запах уютных вечеров, шепот древних мифов и легенд, попробую горячий шоколад с дольками апельсина... Смех и беседы будут длиться вечность.

Когда я приближусь, под ногами будут листья цвета индиго, деревья повиснут в небе кронами вниз, а вместо дождя польется сгущенное молоко.

Наконец-то я узнаю ответы на вопросы, которые живут в моей голове.

В какой момент свет фонарей становится камнем? Почему музыка смыкается на моей шее, оставляя красные борозды? Как долго голоса деревьев раздирают на части сознание дровосека?

И почему окровавленная Луна, отражаясь в озере, сохраняет цвет и форму Луны?..

...Невероятно медленно, опираясь на костыль, Мария шла по коридору. Ее руки тряслись, взгляд устремился вдаль, сморщенные губы что-то шептали. Старая женщина смотрела сквозь людей, а люди смотрели сквозь нее. Мария была похожа на иссохшего призрака в пижамах.

- Куда она идет? Ей нужна помощь? – новая уборщица, молоденькая девчонка, слегка поежилась, провожая взглядом пациентку.

- Да это Мария... Она каждый день коридор патрулирует. От своей палаты и до конца. Сворачивает за угол, идет дальше, опять сворачивает... И снова оказывается у своей палаты – просто ходит по кругу.

- И долго это длится? – уточнила девушка.

- Пока не выдохнется. Ты не смотри, что она хромая и тщедушная: Мария может часами так гулять. Три часа – рекорд, мы засекали. Потом просто падает посреди коридора без сил. Не знаю, что там у нее в голове крутится, но в упорстве ей не откажешь...

...Однажды дорога закончилась. Дом распахнул свои двери. Улыбаясь, слизывая с ладони теплое сгущенное молоко, я вошла. Меня встретили искрящиеся вспышки фейерверков, радостный смех, запах черничного торта, испеченного специально для меня. Застывшие в воздухе буквы сложились в стихи и песни. Чьи-то руки надели мне на голову чудный венок из листьев и ягод рябины. Меня ждали здесь с тех пор, когда я еще помнила свое имя. Здесь все именно так, как я представляла. Все нерассказанные истории я бережно хранила для этих чутких ушей и любопытных глаз...

- Аккуратней заводи, болван!... Не стукни ее об косяк, у нее хрупкие кости!

Санитары помогли Марии войти в светлую, почти уютную комнату. Это было лучшее помещение пансионата: для особых случаев. Все трещины в стене прикрыты красочными плакатами. Минимум тараканов.

Легкий пух седых волос обрамлял ее лицо: казалось, стоит чуть дунуть, и этот одуванчик рассеется, растает. Мария улыбалась. Ее глаза блестели. Старушку усадили на кресло в центре комнаты. Вокруг столпился весь персонал. На колени Марии поставили блюдо с праздничным тортом. Главврач аккуратно сложил ее маленькие ручки, похожие на скрюченные птичьи лапки, вокруг блюда. На голову именинницы водрузили золотистую корону из дешевого пластика.

Все то и дело переглядывались и перешептывались.

...Господи, никогда в жизни не был рядом с чем-то настолько древним... Она точно не упадет? Ее держат? А торт держат?.. Кто вообще принес воздушные шары? Она их не боится? Точно?.. Потому что я немного боюсь... Да, черт, просто не лопни их

случайно, как в прошлый раз, а то у нее сердце остановится!.. И не только у нее... Ей реально сто лет?.. Ого... Так, а кого мы ждем?.. Да сейчас журналисты из какой-то газетенки приедут снимать репортаж про наш пансионат. Юбилей самой старой постоялицы, местной реликвии. Вот, они уже заходят! По местам! Улыбаемся и машем!..

Щелк. Щелк. Щелк. Аплодисменты, вспышки фотокамер, букет цветов.

Ну вот, наконец-то ушли... Уфф, отстрелялись... Кстати, а почему шепотом? Она что, понимает нас?! Не знаю, привычка... Так, все, уводите в палату. Ну или пусть по коридору еще погуляет... Она точно не рассыпется?.. Да как тебя такого пугливого на работу взяли... Ну что, налетаем на торт?.. Да, и корону у нее заберите – она казенная. У нее инвентарный номер есть.

...Передо мной снова была дорога. Бесконечная, неодолимая. С ускользящими контурами дома на горизонте. Но я знаю, что точно войду в него. Набираю темп. Бегу, будто готовясь взлететь. Уже почти что шуршат под ногами листья цвета индиго. Деревья, растущие с неба, уже распушили шумливые кроны, готовые щекотать мне макушку и трепать волосы. Скоро я все узнаю.

Истекающая кровью Луна, отражаясь в озере, сохраняет цвет и форму Луны несмотря ни на что.

Текст №11

Карточка №4

Ассоциация: смерть

Отражение

В зале суда было так душно, что мухи падали на пол прилипая к воску, капающему с люстры. В каждой люстре было по шесть свечей, размышлял подсудимый, всего в помещении три люстры. Три шестерки... Сегодня на заседание не пришел разве что ленивый. В городе редко происходили диковинные происшествия, и когда люди узнали о слушании дела некроманта, это вызвало бурный ажиотаж.

Стали расползаться слухи, что колдун ночует на кладбище, проклинает мирской народ, насылая смерть на недоброжелателей, устраивает жуткие церемонии, пытается вернуть к жизни духов мертвых. Его мрачная фигура похожа на высокий надгробный камень, глаза горят синим пламенем на мертвенно бледном лице, крючковатые пальцы тянутся, чтобы забрать душу. Что-то из этого, в общем, было правдой. Альфред действительно ночевал рядом с церковной колокольней. Неподалеку располагался сарай, где раньше держали коров, овец и прочий скот. Там было мягкое сено и крыша над головой.

Дом колдуна сгорел после удара молнии вместе со всем нажитым, и можно было уверенно сказать, что с парнем происходили загадочные события. Заглянув человеку в глаза, Альфи мог увидеть его смерть, мог возвращать к жизни птиц и мышей, если их травмы были незначительны. Но злым некромантом его было назвать

трудно. Скорее очень невезучим. Ощущалось что-то тёмное в его ауре, отпугивающее незнакомцев.

Закончив медицинское училище он не смог помогать другим. Люди просто боялись к нему идти. Даже когда колдун просто совершенствовал навыки и лечил больную скотину, все вокруг ужасались магии некроманта, хотя ничего плохого он не сделал.

Затем приключилась беда с его жильем. Альфи сильно зарос, исхудал, выглядел не здорово, спал где придется, всегда встрявал куда не надо, болтал всё что думал. Подсознательно Альфред понимал, что однажды все закончится плачевно, и нормальной спокойной жизни ему не видать.

И когда его обвинили в убийстве дочери городского советника, он даже испытал облегчение. Сколько еще ему скитаться безнаказанно? Скорей бы все эти злоключения пришли к логическому завершению.

В тот злополучный день он гулял по окрестностям колокольни и заметил красивую девушку в венчальном платье. Вокруг собралась ликующая толпа, и Альфи решил, что сможет наконец расслабиться и порадоваться со всеми.

Ведь по натуре он на самом деле легкий, жизнерадостный и беспечный чудак. Человек другого склада уже давно потерял бы рассудок от таких способностей и видений. Но, конечно, у него ничего не вышло. Даже в самые светлые моменты его преследовало проклятье. Девушка стала подниматься по лестнице, Альфи почувствовал что-то очень нехорошее и закричал: “Будь осторожнее, вернись и остерегайся лестниц!”

Жаль, что она не была осторожна.

Но есть ли в этом его вина? Другие уверены, что есть. Но колдун лишь видел, а не обрекал. Для него это было естественно, как смотреть на грозовое небо и понимать, что сейчас пойдет дождь. Можно ведь взять зонт и не промокнуть. Конечно, будут еще дожди, но если знать о них заранее, гораздо легче выйти сухим из воды.

— Суд присяжных признает подсудимого виновным в убийстве, обвиняет в богохульстве и мракобесии. В связи с этим подсудимый приговаривается к...

— ...смертной казни... — прошептал про себя Альфред.

Зал загудел, засвистел — словно живая волна из человеческих голосов накрыла некроманта. Но тот застыл погруженный в мысли. Ему стало легко на душе. Это ведь должно быть как... как возвращение домой?

За городом вдали от глаз случайных прохожих проживала Смерть. Так прозвали демона, поселившегося в березовой роще.

Жуткое существо то и дело меняло форму, принимая очертания кошмаров тех, кто решился взглянуть на него. Для всех чудище выглядело по-разному: кто-то рассказывал о черном липком осле с пятью лапами и роем глаз по бокам, кто-то о громадной лысой птице с тремя головами, кто-то видел в нем погибших знакомых.

Тварь никогда не нападала первой. Она скрывалась, выжидала, ускользала. Пара героев отважились напасть на нее, но исход каждого был одинаков. Все они были разорваны в клочья.

Смерть не брал металл. Она расплавляла и впитывала его, как воду, становясь только сильнее.

Тогда отряд городских стражников вооружившись камнями и факелами стали загонять ее все глубже в лес, в пещеру. Демон боялся только огня.

Заточив чудище в узнице, смельчаки организовали вокруг подобие арены, окружив поляну каменными глыбами. Судьи начали приводить к Смерти заключенных. Она стала их палачом. Уровень преступности в поселке заметно снизился — никому не хотелось настолько страшной участи. Изголодавшаяся, тоскливая, жуткая она выползала на свет, когда дверь пещеры отворялась, и мерила взглядом стоящего напротив человека.

Она разрасталась вместе с его страхами, сводя с ума, а когда фантазия преступника иссякала, Смерть убивала его.

“Вполне себе достойный финал, — подумал про себя Альфред, стоя на арене. Страх он не испытывал, скорее любопытство. Оно покалывало в онемевших от наручников руках, заставляло раскачиваться из стороны в сторону, и чтобы как-то унять вихрь мыслей, некромант стал насвистывать простенькую мелодию. Толпа зевая собралась вокруг поляны, выкрикивая проклятия в сторону некроманта. Вышли палачи. Они навалились на каменную дверь пещеры и, как только та с грохотом отворилась, поспешили уйти с арены. Из глубины мрака раздался свист, подхватив мелодию колдуна, затем надрывный детский плач, стенания и рык.

Парень оцепенел, его окатило сыростью и холодом. Затем медленно из-за камней показалась черная дымка. Она беззвучно струилась по земле, оставляя скользкую красную дорожку, словно призренная улитка. Тень гуляла по арене разрастаясь, наполняясь красками.

Внезапно кто-то из зрителей завизжал и началось жуткое представление. Туман стал обретать формы. Остановившись у каменной ограды, Смерть издавала пугающую какофонию из плача и криков. Она отращивала зубастые морды, скалилась, истекала кровью, выла, скакала, в очертаниях ее тела можно было увидеть застывшие в ужасе лица.

Некромант стоял белый, словно лист бумаги, по нему тек липкий холодный пот. Но Смерть игнорировала его, развлекая народ мрачным безумным шоу.

“Я стою в самом центре, но меня как будто и нет вовсе, — подумал Альфред.” От этих мыслей по его телу растеклось тепло, и с губ сорвался болезненный сдавленный смех. Демон замер. Нависла гробовая тишина. Смерть, обратившись в огромного бешеного волка, медленно подошла к колдуну. Сев напротив, она вкрадчиво на него смотрела. Альфи отвернулся, боясь встретиться с ней взглядом. Какие картины он увидит там? Он и так ощущает ее присутствие в каждом встречном.

Демон выжидал реакции. Наконец обессиленный от бесконечного напряжения, некромант тихо проговорил: “Убей меня уже, пожалуйста”.

Парень поднял голову и посмотрел в глаза своей Смерти: — Я так больше не могу, и я знаю, что ты тоже.

Чудище взвыло, пошатнулось, из его пасти вырвался булькающий стон, по коже пошла серебристая рябь, и Смерть, словно зеркало, разбилась на тысячи мелких осколков.

На их вершине лежал крупный осколок, в котором мерцало отражение самого некроманта.

Это был Альфи - жалкий, голодный, измученный, загнанный, словно дикое, проклинаемое всеми животное, - предвестник смерти.

Получается, что больше всего на свете он боялся самого себя.

Альфред скривился, по его щекам потекли слезы. Ему стало очень жаль себя, окружающих его людей и саму Смерть. От этого знания он наполнился энергией и

силой, как будто на колдуна обрушился благостный ливень, очищая от боли, страха, отторжения.

"Самое главное - это принять и понять самого себя", - подумал Альфи и зашагал в противоположную от города сторону в поисках своего нового дома.